

Критика

ФУНДАМЕНТ «НОВОГО ГОСУДАРСТВА»

Властные институты и должности в Европе в Средние века
и раннее Новое время/Под ред. Т. П. Гусаровой. М.: Книжный дом
Университет, 2010. — 600 с.

ПРОБЛЕМА генезиса и становления в Европе так называемого нового государства давно уже интригует историков, хотя сам термин еще не устоялся: можно встретить формулировки и «государство нового типа», и «современное государство», и даже порой «территориальное государство». Тем не менее общие контуры этого процесса не вызывают сомнений. В определенный момент времени европейские государства и их правители приступают к расширению сферы своей деятельности: начинают вмешиваться в экономику, претендовать на руководство духовной жизнью, создавать разветвленный аппарат управления страной и относительно независимые от центральной власти судебные органы. Ядром этой системы, ее фундаментом стали приобретавшие все более замысловатые очертания дворы монархов. Од-

новременно начался поиск новых доходов, уже не связанных с доменами государей и способных обеспечить функционирование все более усложняющейся государственной машины как в военное, так и в мирное время. Логика развития этого процесса приведет страны Европы в XVII веке к возникновению абсолютных монархий, профессиональных армий и бюрократии, а в XVIII веке и к попыткам всеобщей регламентации жизни населения.

Гораздо менее ясны как спусковой механизм, так и отдельные детали этого явления. Что первично? Увеличение доходов монархов позволило им приступить к созданию государственного аппарата или, напротив, новые структуры потребовали нетрадиционных доходов казны? Действительно ли, как утверждал Ф. Бродель, задачи государства со временем не изменились, а изменились лишь ис-

пользуемые средства? Или же, напротив, сам круг задач существенно расширился? Что считать примерной датой зарождения «нового государства»? XII–XIV века, когда стали структурироваться королевские дворы? XVI–XVII века, когда монархи повсеместно приобретали высшую и безраздельную власть над подданными? Или нечто среднее, последние десятилетия XV века (самый, пожалуй, общепринятый вариант), когда государственные машины начали активно перестраиваться и совершенствоваться?

При всей модности темы для западной исторической науки, при всем обилии обобщающих работ, при всей «очевидности» самого феномена, до сих пор между историками и политологами нет согласия даже относительно того, что именно следует считать «современным государством». Как иронизирует Кристофер Пирсон, профессор Ноттингемского университета и автор одной из популярных работ, посвященных этому сюжету, невольно вспоминается один из членов Верховного суда США, который, хотя и признал, что не в силах юридически определить, что такое «порнография», заявил: «Когда я ее вижу, я понимаю, что это она и есть». Точно так же обстоит дело и с «новым государством»: его сложно точно определить, но легко распознать.

В отличие от западного, российский читатель не избалован трудами, посвященными «новому государству». Тем больший интерес вызывает книга «Властные институты и должности в Евро-

пе в Средние века и раннее Новое время», вышедшая недавно под редакцией известного специалиста по раннему Новому времени, доцента Исторического факультета МГУ Т. П. Гусаровой. Эта, пользуясь оксюмороном советских времен, «коллективная монография» представляет собой попытку собрать под одной обложкой полтора десятка очерков, посвященных структурной основе, фундаменту европейских «государств нового типа» — дворам монархов и потестарным институтам.

При том, что по стилю изложения книга балансирует между обобщающей работой, справочником и учебником, она позволяет читателю стать свидетелем генезиса весьма увлекательного процесса. Показывая своеобразный горизонтальный срез, охватывающий множество европейских стран, она дает возможность проследить, как именно и из какой завязи развилась всемогущая ныне государственная машина. Чрезвычайно интересной оказывается возможность заглянуть в сам исток, увидеть королевскую власть как завоевание, когда доля короля в военной добыче равна доле его воинов, сильны личные отношения (воплощенные, в частности, в клятве) между монархом и подданными, управление страной осуществляется при помощи соратников и традиционных связей между патроном и клиентом. Преобразование этого зародыша в систему, при всем многообразии региональных особенностей, происходит практически по одной и той же схеме. Власть получает

мощнейшее обоснование своего существования через ясно выраженную божью волю; растет в численности персонал, обслуживающий двор монарха, усиливается его специализация; приближенные короля образуют королевский Совет, из которого впоследствии выделяются многочисленные органы управления страной. Логическим стержнем системы становится реализация права короля судить и повелевать, а также необходимость выполнения им одной из главных своих обязанностей — защищать подданных.

Помимо демонстрации подробной и объемной картины государственной власти во всех ее проявлениях, книга выполняет и еще одну функцию, не столь очевидную, но не менее важную. Занимаясь историей других стран, постоянно сталкиваясь с проблемой адекватного отражения на русском языке местных реалий. Когда речь идет об экзотических явлениях и терминах, это не вызывает удивления. Между тем, аналогичные проблемы испытывают и все те, кто затрагивает в своих работах такой весьма банальный институт власти как королевский двор любой европейской страны, не говоря уже о центральных государственных учреждениях.

Причина этого во многом кроется в особенностях генезиса российского княжеского, царского, а затем и императорского двора и соответствующих органов. Если Европа опиралась на традиции Римской империи (причем и в варварских королевствах потестарные институты формируются еще

в раннем Средневековье в довольно четком виде), то в России они долгое время оставались аморфными. В результате термины, которые использовались для придворных должностей, то и дело видоизменялись, наполняясь разным содержанием. Окольничьи XIII и XVII веков, по всей видимости, имели мало общего как по статусу, так и по функциям, пройдя путь от своеобразного аналога квартирмейстера до влиятельного администратора. Если для XVII века «стряпчий» — придворный чин, то к концу XVIII-го — это судебный чиновник, а столетием позже и вовсе не государственный служащий. Кроме того, для значительной части этих «придворных чинов» использовались слова, которые давно уже вышли из активного употребления. Применять их для описания европейских аналогов абсолютно бессмысленно, поскольку догадаться без словаря об их значении — задача нетривиальная. Если не сложно предположить, чем занимались ключники, конюхи или чашники, то за что отвечал сытник уже не столь очевидно, а сурначей — так и вовсе не понятно.

Другая сложность в переводе западных реалий на русский язык связана с разрывом в терминологии структур двора, произошедшим с петровскими реформами и, в частности, с принятием Табели о рангах. С XVIII века большая часть придворных чинов получила немецкие названия. Некоторые из них (камергер, камердинер) нам понятны и ныне. Иные (мундшенк, тафельдекер) одноз-

начны, пожалуй, лишь для говорящих на немецком.

Все эти преобразования привели к тому, что любая попытка рассказа о французском, испанском, английском и пр. дворах даже с чисто филологической точки зрения представляет собой непростую задачу. Мало того, что зачастую не очевидно соподчинение различных должностей и их «вес» в придворном раскладе. Совершенно не ясно, как именно следует именовать многочисленных обладателей чинов и должностей, чтобы у читателя не возникло ощущения, что все они поголовно либо немцы, либо обитатели допетровской Руси. Ведь если переводчики над этим не задумываются, появляются на свет удивительные химеры: так, к примеру, в русском издании «Придворного общества» Н. Элиаса старший спальник и первый камергер мирно соседствуют в одном абзаце.

Одним словом, можно только порадоваться, что наконец-то вышла книга, выполняющая двойную задачу: она и фиксирует мутации европейских государственных структур (придворных, административных, судебных, местных), и задает определенные каноны для перевода их названий на русский язык. Тем более, что для научного редактирования «коллективной монографии» был приглашен один из наиболее авторитетных специалистов — В. В. Шишкин, долгие годы интересующийся системой организации власти во Французском королевстве на рубеже XVI–XVII веков.

Очевидны и те проблемы, которые должны были встать пе-

ред авторами и, тем более, перед редакторами. Как это неминуемо случается в подобных изданиях, одни авторы посвятили потестарным институтам немало лет своей жизни, тогда как другие сталкивались с ними лишь эпизодически. Невозможным оказалось и втиснуть обзоры политических систем различных стран и народов в единые хронологические рамки. Отправной точкой стал где V в. (римская церковь, Испания), где VI в. (франки), где VII в. (Венеция), где VIII–IX вв. (Англия), где XI в. (Дания, Венгрия, Милан), где XII в. (Флоренция), а где и XIII в. (Швеция) ... Причины понятны: отсутствие сохранившихся источников, а то и самих государств, различные темпы формирования органов власти и обретения ими некоторой (определенной или неопределенной) структуры, стремление показать сам процесс зарождения столь различных государств. И все же мне видится, что такая ситуация нуждается в дополнительных оговорках.

На поверхности лежит и другой вопрос: что заставило авторов остановиться на той или иной фазе развития потестарных институтов? По большей части изложение доведено до XVII века, однако мне так и не удалось обнаружить в книге никаких размышлений, что это за рубеж и почему он был избран. Конец раннего Нового времени? Это довольно неочевидно и, в любом случае, также нуждается в пояснениях, поскольку никакого консенсуса между историками о том, чем было это раннее Новое время, когда оно началось,

когда закончилось, да и существовало ли оно вообще, не просматривается. Если рубеж — переход к абсолютным монархиям, то в ряде регионов это происходит уже в XVI веке. Если наступление новой волны коренных изменений, то, напротив (и это видно из самих текстов), во многих местах они появляются лишь в XVIII в. К тому же, если было решено заканчивать рассказ веком XVII-м, то почему же тогда история Венецианской республики доведена лишь до XV-го, а Флоренции — до первой половины XVI века (автор обеих глав И. А. Краснова)? И, конечно же, обращает на себя внимание прерывающийся в XV веке (а по сути даже раньше) рассказ о системе власти в Англии. При чем прерывающийся настолько неожиданно, что заставляет предположить: глава об Англии в XV–XVII веках была изначально запланирована, но потом по каким-то причинам из сборника выпала.

Во введении Т. П. Гусарова поясняет, что за отправную точку была взята история возникновения аппарата управления у франков во времена Меровингов и Каролингов, ставшая своеобразной матрицей для других европейских государств, в том числе и находящихся на периферии: для Венгрии, скандинавских стран. А применительно к XIII–XIV векам уже можно говорить «о появлении относительно устойчивой и развернутой системы управления» (С. 9), о зарождении «современного государства». Однако логичным казалось бы дать какое-то обобщение,

касающееся и возникновения абсолютных монархий — когда это произошло, что именно авторы считают абсолютизмом, в чем заключалась суть этого феномена. Не вызывает сомнений, что при полной невозможности привести работы различных авторов к единому шаблону задача редактора такой «коллективной монографии» граничит с подвигом. Но все же именно в этих условиях, как мне видится, особенно возрастает значение прочной и солидной рамы для столь пестрой картины. Иначе для читателя возникает немалая опасность погрязнуть в частности, но так и не получить никакого внятного общего представления.

Произведенная авторами и редактором книги колоссальная работа по отбору и систематизации материала, сопряженная к тому же с необходимостью представить этот материал ясно, четко и доходчиво, также не может не вызывать уважения. Тем досаднее видеть в тексте недочеты и просчеты. Особенно часто, увы, этим грешат главы, посвященные Франции (Т. Ю. Стукалова, И. Я. Эльфонд). Это вдвойне грустно при том, что именно Франция берется в качестве своеобразной точки отсчета, модели, образца. Так, в рассказе об обряде помазания утверждается, что последним королем, принявшим его, был Людовик XVI (С. 17), однако это очевидно не верно: полвека спустя помазан был и Карл X. Не совсем удачным видится перевод *Conseil d'en haut* (Верхнего совета) как Верховного совета (С. 108). Он вызывает, как

говорили в свое время, «неконтролируемые ассоциации», особенно когда автор подчеркивает его статус как верховного органа, однако название свое совет получил лишь из-за помещения на втором этаже Версальского замка. Не менее спорным представляется и утверждение, что Ришелье входил в этот Совет по должности, как главный министр, тогда как на самом деле ситуация была обратной: он стал главным министром формально из-за того, что входивший в Совет кардинал считался выше по рангу, чем остальные заседавшие в нем министры. В качестве примера совмещения придворных и военных должностей приводится д'Артаньян, бывший одновременно и капитаном королевских мушкетеров, и главным смотрителем королевских фазанов (С. 93). Само сочетание «смотритель фазанов» видится довольно экзотичным, к тому же мне не удалось найти ни единого упоминания о том, что д'Артаньян занимал такую должность или что она вообще существовала. Рискну высказать гипотезу, что автор имел в виду должность «капитана-консьержа королевского вольера» (*capitaine-concierge de la volière royale*), как она переведена в книге Ж.-К. Птифиса «Истинный д'Артаньян». Правда, тогда пример оказывается дважды неудачным, поскольку д'Артаньян продает эту должность именно для того, чтобы наскрести денег на капитанство.

Однако прежде всего внимание привлекают вещи куда более концептуальные. Хотя Эльфонд и со-

глашается с мыслью известного специалиста по XVII веку В. Н. Малова, что во Франции и при Людовике XIV чиновников еще не было и не могло быть (С. 86), поскольку никто тогда не имел чина в российском понимании (дающегося государством за определенные заслуги и предполагающего постепенное повышение в должности), это не мешает ей в другом месте утверждать, что «к середине XV века чиновничество предстает как особая корпорация» (С. 79) и постоянно употреблять слова «чины» и «чиновники» (С. 80, 88 и др.), что неизбежно внесет немалое смятение в умы читателей.

Как ни странно, мне не удалось в этих главах обнаружить никаких комментариев и к тому, как именно передавались должности при Старом порядке, а ведь это видится своеобразным ключом к пониманию взаимоотношений между властью и должностными лицами. Говорится лишь, что «особенностью процесса формирования государственного аппарата во Франции являлась легализованная продажа должностей»: подданный «направлял» лично королю «солидную сумму» и «в силу этого приобретал право распоряжаться должностью — продавать ее, передавать своему наследнику» (С. 89).

Между тем ситуация выглядела не совсем так (а, в определенном смысле, и совсем не так). Прежде всего, при Старом порядке различались два типа должностей: постоянные (*offices*) и временные (*fermes*/откупа и *commissions*/поручения). С середины XV века те, кто занимал постоянные должно-

сти, стали *de facto* несменяемыми, если только они не совершали преступлений или не демонстрировали вопиющее несоответствие своему посту. Примерно с XIV века обладатели должностей начали пытаться передавать их за плату: поначалу это было незаконно, но деньги продолжали переходить из рук в руки, и короли в конце концов решили взимать при передаче должности налог и в свою пользу. Так, если поначалу, к примеру, должностные лица судебного аппарата обязаны были принести специальную клятву в том, что получили свой пост не за деньги, то постепенно со времен правления Людовика XII и особенно Франциска I условием получения должности стала некоторая сумма, уплачиваемая королю. В XVI веке еще старались сделать вид, что это своеобразная форма займа монархии, а затем продажность должностей была признана как система официально.

Тем не менее, при такой системе проигравшей все равно оказывалась королевская власть: за исключением первоначального взноса от купившего должность, далее при всех переходах поста из рук в руки ей доставался лишь небольшой налог. Какое-то время с этим пытались бороться, используя следующее положение канонического права: уступка должности другому лицу не действительна, если отказывающийся от нее скончается в течение последующих 40 дней. В первую очередь это мешало передавать должности по наследству, поскольку предсказать точный день своей смерти дано

было не каждому. Разумеется, семьи всеми правдами и неправдами пытались обойти это положение, пока, в конце концов, в 1604 году при Генрихе IV королевский Совет не постановил, что большинство должностей могут передаваться по наследству при условии ежегодной уплаты определенной суммы, своего рода страховки. Р. Мунье в одной из книг рассказывал, что новый налог пользовался феноменальным успехом: как только приходил срок, должностные лица осаждали уполномоченных его взимать, настаивая, чтобы те продолжали работу и после наступления темноты, поскольку неизвестно, кому не повезет скончаться прямо среди ночи.

Таким образом, только с этого времени должность действительно становилась собственностью: ее можно было продавать, закладывать, порой даже и делить. А чтобы король не оказался в один прекрасный момент окружен бездарностями, формально считалось, что в собственности находилась не сама должность, а лишь финансовые обязательства с ней связанные. Иными словами, король всегда мог должности лишить, если готов был вернуть уплаченные за нее деньги.

Немало сомнений вызывают и те страницы, где говорится о сущности королевской власти. Удивительным образом в тексте ни словом не упоминается, к примеру, что французский король считался «христианнейшим». А ведь это отличие от всех остальных монархов мира (кроме, пожалуй, испанского, носившего титул

«Его католическое Величество») было не просто признанием заслуг французских государей перед папским престолом. На него был завязан обширный комплекс представлений о самой сути власти монарха. Нет анализа фундаментальных законов королевства — комплекса основных принципов монархии Старого порядка. Все это, признаться, труднообъяснимо.

Вернее, объяснить, безусловно можно: тем, что за рамками книги было решено оставить все сюжеты, не связанные, собственно, с механизмами власти. Однако такое объяснение лишь переводит вопрос в другую плоскость: считать ли такими механизмами лишь материальные «шестеренки» и «приводные ремни»? Мне все же думается, что нет. Нет сомнений, что репрезентации, восприятие власти, церемониал и многое другое физически не могут поместиться под обложку одной книги. Но разве без знания фундаментальных законов можно осознать, как работает этот механизм? Не зная принципа: «Король во Франции всегда совершеннолетний», как понять, почему парламент склонялся перед волей пятилетнего Людовика XIV?

На мой взгляд, власть и в Средневековье, и в раннее Новое время, конечно же, не мыслима без нематериальной (в частности, религиозной) составляющей. Совершенно не случайно такой историк как Р. Мандру в самом начале своего рассказа о сущности королевской власти четко постулировал: «Монархия была мистической идеей». Между тем, в книге эта «духовная» составляющая хотя и обозна-

чена, но лишь мельком, вскользь, без создания целостной картины, да к тому же и очень неравномерно в разных главах. К примеру, в английском разделе (Е. В. Калмыкова) мне не удалось найти упоминаний не только о миропомазании, но и в принципе о коронации! В начале главы говорится о переходе к IX веку к наследственной королевской власти с обязательным утверждением монарха Советом уитанов (С. 212), и далее эта картина никак не корректируется, словно Совет уитанов продолжал давать свое согласие на воцарение монархов вплоть до Тюдоров.

Очевидно, что речь идет исключительно о приоритетах: едва ли можно предположить, что коллега никогда не слышала ни о помазании английских королей, ни об их способности исцелять наложением рук. Эти же приоритеты, по всей видимости, и обусловили увлечение авторов большинством глав описаниями структур и того, как они должны были функционировать, тогда как хотелось бы — почему бы и не по мечтать — увидеть и материал о том, как они работали в реальности. В наибольшей мере это реализовано, как мне видится, в рассказе об Испании XV–XVII веков (В. А. Ведюшкин), где и затрагиваются вопросы о личном участии монархов в управлении, и рассказывается о стоявших между государями и бюрократическими структурами фаворитах.

Иначе говоря, если чего-то в этом собрании очерков и не хватает, так это ментальных структур и, как модно нынче говорить, че-

ловеческого измерения. И не ради постмодернистских красот: все же шестеренки машины власти редко работают так, как нарисовано на чертежах. Материальный же фундамент возникшего на излете Средневековья «нового государства» описан, как мне показалось, ровно с такой степенью подробности, чтобы текст не успел

превратиться в сухой справочник, а остался интересным и местами даже интригующим. Все же до того, как Людовику XIV припишут фразу: «Государство — это я», а Ленин скажет: «Государство — это мы», должно было возникнуть и развиваться само государство. Именно этому процессу и посвящена книга.

Дмитрий Бовыкин

ЛЕБЕДИНЫЕ ПЕСНИ КАПИТАЛИЗМА

Nassim Nicholas Taleb. *The Bed of Procrustes: Philosophical and Practical Aphorisms*. NY: Random House, 2010. — 112 p.

Успех книг Николаса Талеба, автора бестселлеров «Черный лебедь» и «Одуроченные случайностью», представляет собой пример того, как философия может расти даже из самого казалось бы неподходящего материала, например, суеты и шума финансового рынка. Минеральные окаменелости и отложения философских абстракций когда-то были частью живого мира, мира природы и науки, и они часто приобретают живой смысл только в контексте забытых конкретик, из которых они некогда выросли. Как известно, некоторые метафизические прозрения возникают путем экстраполяции и обобщения научных открытий. И в этом смысле философия, вырастающая из анализа инвестиционных рисков, ничем не хуже философии, вырастающей из аналитических кушей естественных наук.

Напомним, что своей невероятной популярностью Талеб, один

из самых желанных комментаторов экономических событий на телевизионных каналах мира, обязан отнюдь не философским идеям, а тому, что было воспринято как предсказание финансового кризиса 2008 года и в известном смысле успешной трейдерской стратегии. Одной из главных сфер его теоретизирования стала категория случайности и особый круг событий, которые он назвал «черными лебедями». Пытаясь разместить случайность в схеме одной из своих моделей реальности, считает Талеб, ученые и практики систематически ее недооценивают. В «Черном лебеде» в центре его внимания оказалась особая геометрия финансового пространства, его недостаточно очевидная фрактальная природа, которая выплескивается иногда в реальный мир в виде черных лебедей. Это фрактальная геометрия и фрактальная статистика, которую его